

ОЖИДАНИЕ

Моей жене Ольге — прекраснейшей из женщин — посвящается

Жду. Я всегда жду. Тебя жду. Жду вот уже тридцать лет! И никак не могу дождаться. Не могу дождаться тебя ту, которая уходила утром из дома. Ту, которую я провожал стоя в открытых дверях. Ту, которая, спускаясь по лестнице, прощалась со мной взмахом руки...

Жду. Время идёт. Мне всегда было непонятно: как может время идти? У него нет ног. Если оно ходит, то, несомненно, должно топтать своими миллиардолетними ножищами. Меня окружает тишина. Нет, оно не ходит. В моём доме оно совершенно беззвучно мигает зелёным двоеточием или едва слышно шуршит стрелками часов. Оно тоже ждёт. Топчется потихоньку на месте и ждёт. Меня это раздражает, но я ничего не могу с этим поделать. Ждём вместе. Вместе со временем.

Жду. Знаю: когда ты вернёшься, я буду знакомиться с тобой ещё раз. Ты станешь другой. Так бывает всегда. Это необычно. Вроде всё твоё. Твоё лицо, твои глаза, губы,

волосы, голос. Но это не так. Ты каждый раз другая. Так можешь только ты. Мне это нравится.

Жду. По подоконнику застучали суетливые капли. Грустно. Ты будешь пахнуть дождём. Мне больше нравится, когда ты пахнешь солнцем.

Жду... Поворот ключа в двери. Ты как время. Ещё ни разу не смог услышать твои шаги.

Здравствуй... родная! Я никогда не говорил тебе этого слова. Стесняюсь почему-то. Почему? Не знаю... Но в голове постоянно крутится: родная... родная... родная... Ты рада меня видеть. Улыбаешься. Чувствую на лице прохладные с улицы пальчики. Всё... Ты пришла... Ты дома... Ты рядом... И время понеслось!.. Неумолимое время. Я не злюсь на него. Прошло уже... Так, досада.

Когда-то ты дала мне крылья. Предложила полёт. Один взмах — и три десятилетия пронеслись. Ещё раз взмахну крылом — и!.. Но это не важно. Важно то, что ты пришла. Ты снова со мной. Жизнь продолжается. Остальное — несущественно.

Женщин почему-то сравнивают с открытой книгой. Приплетают к этой книге и квантовую физику, и китайский язык, и ещё что-то. Глупые сравнения. Вздор. Можно изучить и квантовую физику, и китайский язык.

Они не знакомы с тобой.

Ты — вселенная с неизмеримым множеством миров. Познать эти миры мне не дано. Никому не дано.

Ты — непостижимая!..

КРОВЬ И КРАПИВА

Деревня выглядела вымершей. Тишина стояла ненормальная, и это напрягало меня. Очень напрягало. Даже петухов не слышно! То ли съели всех, то ли они, несмотря на дурость, сами попрятались от греха подальше. За четыре года войны я привык к постоянному грохоту, и если он прекращался, значит, жди беды. Значит, фрицы что-то удумали!

Я опустил бинокль и задумался. Эта деревня и на деревню-то не похожа. Этакий городок в миниатюре, где маленькие домики идеально ровно выстроились вдоль дороги. Возле каждого дома палисадничек с оградкой высотой до колена, через жёрдочки которой перевешивается давно не кошенная сухая трава. Да и сами дома без присмотра, как оспой, покрылись пятнами от обвалившейся краски. Некому следить за их внешним видом — война сказалась. Невозможно от войны уберечься, отойти в сторонку и переждать. Везде она достанет и возьмёт своё, столько, сколько ей потребуется.

Название у деревушки странное — Binnensee, или, если по-нашему, — Озеро. Странное в том смысле, что ближайший водоём, согласно карте, находился от неё в двадцати километрах. И то небольшая речка. Непонятно: при чём тут озеро?

Но самыми необычными мне казались заасфальтированные улицы. Ладно бы одна такая деревня была. Нет же, много таких, кукольных и аккуратных. Не первый день на германской земле воюем, успел уже кое-что посмотреть и сравнить. Наши «мягкие» деревенские дороги явно проигрывали германским. Но я бы сейчас многое отдал за то, чтобы скинуть сапоги и босыми ногами ступить на разбухшую после дождя пашню. Почувствовать, как при каждом шаге между пальцев ног протискиваются жирные чёрные червяки чернозёма...

— Почему вперёд не идём? Почему застряли здесь? — подошёл ко мне замполит батальона майор Рябов и, оглянувшись на укрывшихся за деревьями бойцов, повторил: — Почему вперёд не идём? Ждём чего?

— Не нравится мне здесь, товарищ майор! Тихо уж больно...

— Да плевать я хотел на твою тишину, — выверился вдруг майор. — Командуй взводу вперёд! Какого чёрта тебе ещё надо?!

Я посмотрел в узкое, покрывшееся красными пятнами лицо замполита и отвернулся, встретившись взглядом с блеснувшими под козырьком фуражки глазами.

Невозможно выдержать его взгляд: глаза мёртвые, тёмные провалы — и всё, жизни ноль. Сам вроде психует, а глаза без эмоций. Я знал всех своих бойцов, с самого начала войны вместе. Многих ребят потерял, но уже с одного взгляда научился определять состояние человека и что от него ожидать. Что ждать от майора в его нынешнем состоянии, непонятно.

Срываться он начал год назад, когда сообщили, что его семья погибла под авиабомбой. Вся! Одним махом. Родители, жена, двое сыновей. Он стал нервным, психованным, часто повышал голос, и его руки стали заметно подрагивать. Он знал об этом и прятал их за спину.

— Подождём ещё, понаблюдаем, послушаем, — спокойно ответил я. Мельком глянув в лицо замполиту, примиряющим тоном закончил: — Ещё надо подождать на всякий случай, а потом и зайдём. С двух сторон зайдём...

— И так видно, что немцев в деревне нет! — рыкнул майор и, зло сплюнув, сел на землю, привалившись спиной к дереву.

— В этой деревне все немцы, — пробормотал я и поднёс к глазам бинокль.

Замполит оказался привязанным к моему взводу случайно. Можно сказать, оказался не в том месте и не в то время. А может, и наоборот, именно с нами он и должен был оказаться — кто знает?

Наш полк получил приказ окружить небольшой городок, в котором, по данным разведки, укрылось полторы сотни фрицев, которые находились в состоянии, близком к панике, и были готовы сдаться. Поэтому замполит и обходил вверенные его политической заботе подразделения.

Разведка опростоволосилась! Но, как я подозреваю, никто глубоко не копал. Не то это было место, чтобы тратить на него время и силы. Так, прошлись поверхностно, обнаружили наличие войск и, решив, что одного полка будет более чем достаточно, откомандировали на зачистку. Немалую роль сыграло то, что война уже неделю как закончилась и фрицы понимали, что обречены.

Получили мы тогда конкретно! Из города, прямо с улиц, по нам ударили из крупнокалиберных пушек, укрытых за дощатыми щитами. Смотрели издали — домик как домик, а потом щиты упали, и началось!.. А когда у них кончился боезапас, на прорыв, при поддержке нескольких «тигров», ломанулись хорошо вооружённые и не помышлявшие о капитуляции эсэсовцы.

Удар пришёлся аккурат между позициями двух взводов, и мне, чтобы сохранить людей, пришлось отвести взвод в сторону. Благо, что сразу после этого пришёл приказ: не пытаться фрицев удержать, а выпустить из кольца и дать уйти. Мол, чёрт с ними, потом добьём, никуда они не денутся. Слава Богу, научились уже людей беречь, не то что, помнится, в начале войны.

Фашистов оказалось на удивление много. Чем шире становился клин, тем дальше приходилось отводить взвод, в котором волею войны оказался и замполит батальона, прибывший с разъяснением текущей обстановки.

Время шло, всё спокойно, а засиживаться здесь не в наших интересах. Но и обойти деревню стороной я не мог: а ну как в ней войска окажутся? Ударят в тыл — беда будет! Откатились мы недалеко, километров на пять, не больше.

Пора! Аккуратно уложив бинокль в футляр, я оглянулся и, зная, что старшина обязательно где-то рядом, негромко позвал:

— Семашко!..

— Я, товарищ капитан! — высунулся из-за соседней сосны командир первого отделения и, оглянувшись, поправил сбившуюся на затылок пилотку.

— Вместе с отделением поступаешь в распоряжение майора. Обойдётся посёлок лесом и пощупаете, что там с другой стороны. На рожон не лезьте, действуйте аккуратно и тихо, если что — сразу отходите!

— Ясно, товарищ капитан! — кивнул старшина и посмотрел на сидящего под деревом замполита.

Тот, словно не слыша нашего разговора, отрешённо глядел перед собой и рвал траву. Захватывал пальцами

несколько травинок, отрывал их и бросал, и так раз за разом — отрывал и бросал, отрывал и бросал.

— Товарищ майор! — повысил я голос. — Вы как, остаетесь со мной или с отделением идёте на обход деревни?

Тот молча поднялся, отряхнул руки, одёрнул гимнастёрку, привычным движением поправил выдавшую виды фуражку с помятым козырьком, а потом сказал:

— С отделением, — и, не оглядываясь на потянувшихся следом бойцов, скорым шагом направился в лес.

— Приглядывай там за ним, — понизив голос, попросил я старшину, — не нравится мне его состояние, как бы чего не натворил!

Старшина кивнул и, перебросив автомат с груди на спину, побежал за скрывшимся за деревьями замполитом.

Я посмотрел им вслед и вздохнул. Майор был смелым воином, в тылах не отсиживался, за спины солдат не прятался. Не один раз бойцов в атаку поднимал. Не зря же на его гимнастёрке красуются орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Да и к бойцам он относится по-человечески. Даже свой командирский паёк сам не получал, распоряжался, чтобы его сразу передавали в окопы.

Война уничтожает людей. Не только жизни забирает, но и выжигает души. Обугливаются людские души, перестают жизнь чувствовать. Умирают. Так посмотришь — вроде человек как человек: ест, пьёт, спит — всё как обычно. Приглядишься повнимательней — понимаешь, что выгорел человек, ушёл из нашей жизни, чужим стал.

Подождав ещё минут тридцать, я обернулся к бойцам и негромко скомандовал:

— Вперёд!

Мы уже минут сорок шерстили деревню. Заходили в каждый дом и осматривали его. Жителей на удивление было много! Но взрослых мужчин нет, только женщины, дети и старики. Они, как правило, собирались в одной комнате и с ужасом наблюдали за обыскивающими дом бойцами.

По всей вероятности, люди перебрались сюда из городов. Спасался народ от боёв, пришедших с войной и уничтожавших всё на своём пути, не разбирая, казарма это, жилой дом, блиндаж или школа.

Время шло, и я всё сильнее убеждался, что, кроме гражданских лиц, в деревне никого нет. Бойцы расслабились, перестали осторожничать и уже спокойно, не опасаясь нападения, ходили по улицам. В результате чего и навались.

В тишине, одеялом накрывшей деревню, одиночный выстрел прозвучал резко и хлётко, как переломленная сухая ветка. Шедший впереди пожилой боец, которого называли по отчеству — Макарычем, схватился за плечо и резво скакнул в ближайший палисадник под прикрытие дома.

— В укрытие! Все с улицы! — заорал я и сиганул следом за Макарычем, который привалился спиной к стене дома и матерился, зажимая ладонью рану на левом плече.

— Гриша! Давай сюда, — позвал я молодого, прибывшего два месяца назад с последним пополнением бойца. — Помоги перевязаться деду и оставайся пока с ним, а мы посмотрим, кто это нам решил так нагадить! — и, обернувшись к бойцам, прижавшимся к стенам домов, приказал: — Никому не вылезать, пока со стрелком не разберёмся!

Осмотрелся и, заметив воевавшего со мной с самого начала ефрейтора Потапенко, сказал:

— Надо узнать, откуда этот гад бьёт.

— Не надо! Я успел заметить, — перебравшись ко мне поближе, усмехнулся ефрейтор.

Он выглянул из-за угла дома и, быстро отпрянув, удовлетворённо кивнул:

— Ну точно, с чердака лупит! С соседней улицы. Аккурат между двух домов ему дед и попался. Он, кстати, как дурак, в чердачном окошке маячит... можно снять!

— Желательно бы живым взять. По возможности, конечно, — не согласился я. — Язык в нашем положении не помешает, а то ничего об окружающей обстановке не знаем! Но не геройствуйте там... чуть что, валите его к чертям!

Ефрейтор кивнул, прихватил трёх бойцов и, обойдя дом с другой стороны, скрылся во дворе.

Как только бойцы ушли, я надел на ствол автомата каску и высунул её за угол дома. Этого чёрта надо отвлечь, чтобы он занялся делом и не думал о собственных тылах.

Выстрел раздался почти сразу, но стрелок в каску не попал. Я спрятал приманку и через несколько секунд выдвинул её уже пониже. Выстрел. Опять мимо. Хотя в угол дома он всё же зарядил. Каску прятать не стал и, дождавшись очередного безрезультатного выстрела, выглянул уже сам.

Стрелок находился именно там, где и говорил ефрейтор. Он по-идиотски высунул ствол винтовки из слухового окна и с азартом, достойным лучшего применения, пытался пристрелить хоть кого-нибудь. Странно, он и в дом-то не всегда попадает. Как он вообще умудрился Макарыча зацепить? Случайно, что ли? Очень на то похоже.

Недоделанный снайпер успел выстрелить ещё три раза. Потом, после непродолжительного затишья, раздался условный свист. Мы с бойцами, соблюдая максимальную осторожность, перебежали улицу и вломились во двор дома, из которого велась стрельба.

Снайпер действительно был недоделанный. Вернее, не снайпер и даже не военный. Пацан лет тринадцати-четырнадцати. Одет, как и большинство уже виденных мной детей, с чужого плеча. Этому достался явно не подходящий по росту тёмно-коричневый пиджак, рукава которого не доходили ему до запястья. Под пиджаком замызганная светлая рубашка, ворот которой был наполовину оторван и болтался за спиной. Штаны под тон пиджаку и тоже короткие. Завершали наряд растоптанные тупоносые ботинки, которые даже с первого взгляда выглядели слишком большими для такого возраста.

Лохматый, весь в пыли и паутине, он стоял с низко опущенной головой и, время от времени шмыгая носом, размазывал грязь по и так уже чумазому лицу. Ему было страшно,

очень страшно. У него тряслось всё: руки, колени, голова, всё тело ходило ходуном.

— Полюбуйся на стрелка, командир! — засмеялся Потапенко. — Это ж надо! Фрицы нашему деду за четыре года не смогли ни одной отметины оставить, а этот щенок после окончания войны его умудрился подстрелить!

— А чего он весь такой разодранный? — поинтересовался я, налюбовавшись на мальчишку. — Неужели ещё и сопротивлялся?

— Да не! Это он, товарищ капитан, сбежать хотел, — хмыкнул один из бойцов, сопровождавший Потапенко, — а я его за ворот и сцапал.

— Так, посадите его куда-нибудь, что ли, — попросил Макарыч и, ткнув пальцем в скамейку, стоящую возле стены дома, добавил: — Вона, на лавку. А то, я смотрю, у него головёнка от страха так трясётся, что того и гляди отвалится!

— Крикните сюда Сёму, — распорядился я, — он у нас один более-менее шпыхает. Пускай поспрашивает этого вояку: какого рожна он за винтовку схватился? И есть ли здесь ещё такие же ненормальные вроде него?

Но поговорить с мальчишкой сразу не получилось. Не успел Семён задать первый вопрос, как от калитки, ведущей во двор, раздался надрывный женский крик:

— Найд! Найд! — и через столпившихся во дворе бойцов к пацану начала пробиваться молодая женщина.

Её задержали, и тогда она, захлёбываясь слезами, что-то быстро заговорила, обращаясь почему-то к Макарычу.

— Семён, узнай, кто это и что ей здесь надо.

— Это его мамаша, товарищ капитан, говорит, что он ещё маленький, не ведает, что творит, и что мы не можем убивать детей.

— Не вам, дамочка, указывать нам, что мы можем, а что не можем! — рявкнул я и спросил у Семёна: — Перевёл?

Дождавшись утвердительного кивка солдата, подошёл почти вплотную к немке и, уставившись ей в глаза, понизив голос, медленно проговорил:

— После того, что вы вытворляли на нашей земле, вам лучше помолчать!

Женщина в ужасе уставилась на меня, зажала рот ладошками и часто-часто закивала, словно несущка над рассыпанным пшеном.

Когда я отвернулся, она сдавленным голосом быстро начала что-то лопотать.

— Что она там? — спросил я и опять посмотрел на немку.

— Просит прощения за сына... ещё говорит, что согласна на всё, лишь бы мы не убивали её ребёнка.

— Это хорошо, конечно, что она прощения просит. Спроси-ка у него: зачем он стрелял в наших солдат и даже ранил одного?

Семён спросил. Но мальчишка как воды в рот набрал и молчал до тех пор, пока женщина не начала ему что-то торопливо говорить. Я посмотрел на Семёна.

— Уговаривает, — пожал тот плечами, — просит сына не злить русских ещё больше.

То ли уговоры матери подействовали, то ли немного успокоился, поняв, что его не убьют, пацан заговорил. Тихо, запинаясь, не поднимая головы, рассказал, что винтовку и патроны ему дал староста. Он же сказал, что если нас не остановить, то мы убьём всех, а маленьких детей съедим, так как все русские — звери.

Семён вдруг усмехнулся и, глянув на женщину, спросил, обращаясь к Макарычу:

— Ну что, дед, не проголодался, случайно? А то он просит, чтобы мы не ели его младшую сестрёнку, которую он очень любит.

— Свят дух по земли! — выругался Макарыч и в сердцах сплюнул. — Это что же такое творится-то, товарищи дорогие? Да как же этикие страсти придумать-то можно? Как это назвать-то?! — и он, вытаращив глаза, уставился на опять перепугавшегося мальчишку.

— А это, Макарыч, называется фашистской пропагандой, — ответил я и спросил: — Что с этим хулиганом-то

делать будем? Без наказания такие выкрутасы оставлять никак нельзя!

— Что делать, что делать... — пробормотал, успокаиваясь, Макарыч. — Не стрелять же его, в самом-то деле?! — и, повысив голос, предложил: — Портки вон спустить да по голому заду крапивой отходить! Чтобы неповадно было!.. Нас всегда так уму-разуму учили.

Он осмотрелся и озабоченно добавил:

— Крапивка у них здесь, конечно, чудосочная, с нашей ей никак не тягаться, но если умеючи, то и эта сойдёт, — и, оглянувшись на бойцов, попросил: — Хлопцы, притащите-ка мне крапивы, эвон под забором, гляжу, выросла.

Я пожал плечами. Это, конечно, не метод Макаренко, но через зад действительно лучше и быстрее доходит. И запоминается подольше. На собственной шкуре испытывал не раз! Не всегда взрослым был.

— Давайте, ребята! — разрешил я. — Раз пять по заднему месту крапивой пройдитесь да отдайте мамке. Кстати, Сёма, — спохватился я, — ты мамаше-то скажи, что мы её сына есть не собираемся, а то увидит, как с него штаны снимают, подумает невесть что.

Пацан взвизгнул, когда его подхватили несколько рук и, сдёрнув штаны, положили животом на лавку. Макарыч решил наказать мальчишку сам. Поморщившись от боли в раненой руке, он неторопливо выбрал самые достойные, по его мнению, крапивины и со знанием дела примерившись, стегнул подростка по ягодцам первый раз. Сначала мальчишка ойкнул, а когда на коже проступила розовая, с каждой секундой наливающаяся малиновым цветом полоса, заверещал. Макарыч удовлетворённо крякнул и приложился крапивой к заднему месту пацана ещё раз. Потом горе-воин завывал уже не переставая, пока Макарыч трудился над его задним местом под смешки бойцов, ведущих хором отсчёт.

— Ну вот и лады, — удовлетворённо выдохнул Макарыч и со словами: — Всё, проваливай отсюда, — согнал ревущего мальчишку со скамейки.

Тот шустро вскочил и, придерживая штаны обеими руками, посеменял к матери. Та, всплеснув руками, обняла его за плечи и, оглядываясь на нас, торопливо повела сына к калитке, по пути что-то выговаривая ему на ухо. Макарыч постоял, задумчиво глядя им вслед, а потом с удовольствием уселся на лавку сам.

С удобствами отдыхал он недолго. Едва за мамашей с сыном закрылась калитка, как вдалеке раздались автоматные очереди.

— В конце деревни стреляют! — сказал Потапенко и, подняв вверх указательный палец, прислушался. — А там как раз ихняя церковь находится. Я её, товарищ капитан, заметил, когда мы с чердака этого детёныша выковыривали.

— Далеко до неё?

— Да не, недалече! Надо тока на другую улицу перебраться, — махнул рукой ефрейтор и, направившись в обход дома, крикнул: — Давайте за мной!

Через небольшой переулок вышли на соседнюю улицу. Привычно прижимаясь к домам, пригнувшись, побежали в сторону не на шутку разгоравшейся стрельбы.

Кирха, обнесённая невысоким заборчиком, находилась на небольшой площади, к которой вели три улицы деревни.

Я уже видел её остроконечную верхушку, когда громыгнули два гранатных взрыва, и стрельба прекратилась.

— На площадь никому не высовываться! — приказал я, осторожно выглядывая из-за угла дома, стоящего напротив церкви.

Перед дверями кирхи полукругом лежали мешки, из которых через многочисленные пробоины тонкими струйками высыпался песок. За мешками находились мои бойцы, ушедшие с майором. Часть из них, осматриваясь, выглядывала из-за баррикады, а трое топтались возле дверей кирхи.

— Свои! Не стрелять! — заорал я и, подняв руки, вышел из-за дома.

— Давайте быстрее сюда! — закричал один из бойцов и замахал мне, поторапливая.

— Что тут у вас? С эсэсовцами, что ли, сцепились? — кивнул я в сторону тела, одетого в чёрную форму, облепленную опознавательными знаками войск СС.

— С ними, с тварями! — выругался Семашко и, ткнув пальцем в труп, добавил: — Их четверо было. Если бы не гранаты, до сих пор, наверное, возились бы. Умеют воевать, сволочи!

— Все целы? А где майор? — спросил я, осматриваясь.

— Все!.. А майор там, в госпитале, — кивнул старшина в сторону кирхи.

— Это госпиталь у них был, что ли?

— Почему был? — удивился Семашко. — Он и сейчас есть, я там раненых видел.

— А майор...

— Там он... внутри, — пожал старшина плечами. — Один из фрицев раненый внутрь заполз, майор зашёл следом и... в общем, добил немца. А потом подобрал его автомат, приказал нам всем выйти и закрылся изнутри.

В это время из кирхи раздалась короткая очередь, а через некоторое время повторилась.

— Твою ж мать, майор! Что же ты творишь-то?!.. — выругался я и скомандовал: — Потапенко, надо двери открыть, навалитесь-ка толпой на неё, а то политрук со злости там... наделает делов!

Бойцы навалились на двери впятером, но та не поддавалась. Дверное полотно добротное, на совесть сработанное, да ещё и обитое металлическими полосами.

— Отойдите все подальше! — скомандовал Потапенко и, отступив от двери, выпустил по замку длинную очередь из ППШ.

Взвизгнули отрикошетившие от металла пули, брызнула во все стороны щепка. Потапенко, перехватив поудобнее автомат, примерился и изо всех сил ударил в дверь ногой. Она распахнулась, и в глубине здания снова раздалась очередь, а следом ещё.

— Назад! — приказал я рванувшимся было вперёд бойцам. — Чёрт его знает, что у него на уме! Сам пойду поговорю!..

Изнутри кирха оказалась довольно просторной: лавки сдвинуты к стене, и всё освободившееся пространство занимали металлические кровати, между которыми валялись окровавленные простыни, одеяла, бинты и какие-то тряпки. Было видно, что помещение покидалось в спешке и о соблюдении порядка никто не думал.

Я остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку, и, услышав за спиной шаги, обернулся. С десяток бойцов во главе с Семашко стояли за моей спиной. Я махнул рукой: «Чёрт с вами, оставайтесь», — и медленно направился к стоящему возле кроватей майору.

Сделал с десяток шагов, когда он неторопливо поднял автомат и прежде, чем я успел закричать, выстрелил короткой, на несколько патронов, очередью.

— Майор! Отставить! Прекратить! — всё-таки заорал я и рванул к замполиту.

Тот, не обращая на меня внимания, спокойно прицелился в лежащего на кровати человека и опять дал короткую очередь. Я остановился за его спиной и прошептал:

— Что же ты натворил, майор?..

Замполит бросил автомат на пол, повернулся ко мне и засмеялся.

— Всё!.. Это был последний, — подойдя ко мне, сказал Семашко. — Шестеро их было, лежачих, я успел сосчитать, прежде чем майор приказал выйти.

Замполит уже не смеялся, он стоял, подняв голову вверх, и улыбался. Губы его шевелились, будто он с кем-то разговаривал.

— Товарищ майор! — окликнул я его, но он меня и не заметил, он вообще никого не замечал.

Мне показалось, что майор чего-то ждёт, вглядываясь в высокий потолок кирхи.

Обойдя меня и Семашко, к замполиту подошёл Гриша и, подняв автомат, навёл его в грудь майору. То, что

последует дальше, было ясно как день. Я мог его удержать, успел бы!.. Но не стал.

Дёрнулся, басовито рыкнув очередью, автомат в руках бойца, и майор, сделав назад два маленьких шага, словно его сильно толкнули в грудь, раскинул руки и упал на спину. Он так и смотрел вверх, улыбаясь, когда подошёл Макарыч, крихтя, опустился рядом на колени и, проведя ладонью по лицу, закрыл ему глаза.

— Зачем?.. — посмотрел я на Гришу.

— Я видел, как убивают раненых!.. — хриплым шёпотом ответил парень. — Видел! Ещё тогда, в самом начале... Я помогал в госпитале. Фашисты шли вдоль кроватей и стреляли в раненых... шли и убивали... спокойно, не торопясь, как будто выполняли неинтересную работу. Я слышал их голоса, видел их лица. Фашисты... Они не должны жить... Я под кроватью спрятался... меня не увидели... Майор убил раненых... Он не должен жить.

Вот так вот. Что можно на это ответить?! Ничего!

Не я один не остановил парня. Бойцы его тоже не удерживали, хотя и видели, что он собирается сделать. Значит, они думают так же: «Фашисты убивают раненых. Если ты убил раненых, значит, стал таким же, как и они. Поэтому не должен ходить по этой земле».

Всё правильно. Логика простая и прямая, как штык. В ней нет места для закоулков, в которые можно забрести и, устроившись в удобном кресле, поговорить, порассуждать о бытии да поспорить о правых и виноватых. Штык быстро и качественно всё расставляет по своим местам.

— Семашко! — посмотрел я на старшину. — С майора надо снять форму, тело вынесем за деревню и похороним в лесу. Форму, документы и планшет политрука сжечь. Да, ещё, чуть не забыл! — спохватился я, когда старшина с двумя бойцами направились к телу майора. — Убитого фрица подтащите к кроватям и положите рядом с ним автомат, из которого майор стрелял.

За кирхой сложили костёр из разломанных заборных штакетин, и я, присев рядом на корточки, наблюдал, как

пламя жадно заглатывает вещи, когда-то принадлежавшие хорошему человеку. Смелому воину. Любящему мужу и отцу. Человеку, отдавшему этой войне всё! Даже собственную душу!..

— Товарищ капитан! Всё сделали. Получается так, что этот эсэсовец вроде как сам своих раненых перед смертью перебил. Можем выступить, — доложил старшина и, понизив голос, спросил: — Вы что-нибудь скажете перед выходом?

— Обязательно скажу, старшина, но не сейчас, позже.

Тело майора закопали в километре от деревни, в небольшом леске. Перед тем как двинуться дальше, я построил взвод и предложил почтить память погибшего от прямого попадания крупнокалиберного снаряда майора Рябова. Никому из бойцов ничего объяснить не надо — все всё понимали. Вернись политрук с нами, его бы расстреляли за то, что он сделал, и в памяти он остался бы убийцей беззащитных людей. Он понёс за это наказание и умер.

Я был уверен в своих бойцах, никто из них не проговорится, и майора будут помнить как воина, погибшего на поле боя. Светлая ему память!